

**Some ways to distinguish between singular / plural and polite “you”
in present-day English**

Avakimyan Sofya Sergeevna

MA TESOL Candidate

Monterey Institute of International Studies, Graduate School of Language and Educational
Linguistics, Monterey, USA

e-mail: sofya.avakimyan@miis.edu

sofya.avakimyan@gmail.com

C. M. Millward believes, “of all the word classes of English today, by far the most conservative are the personal pronouns. Only the personal pronouns have retained three cases (subject, object, and possessive; corresponding to Old English nominative, accusative-dative, and genitive)”. She argues that present-day English has lost only three of the inflectional distinctions made in Old English. The first distinction between dative and accusative, as she puts it, “was collapsing even in Old English, where it was clearly and consistently retained in the third person”. Also, the language has lost the category of dual number. And finally, in present-day English the distinction between singular and plural in the second person has been neutralized everywhere except in the reflexive and intensive pronoun (*yourself / yourselves*) (Millward, 1996, pp. 98-99). Due to language change many older second person pronoun forms died out, leaving modern English with just the one form, *you*. As a result, *you* refers both to one person (*What are you doing!* said with exasperation to a careless person) and to many people (*Thank you*, said to express gratitude to a group).

What are some ways that English speakers of today compensate for the fact that the second-person pronoun *you* does not allow them to distinguish between singular and plural? In other words, what forms have been developed to refer in the second person to more than one person? And what do English speakers do without a distinctly respectful form of a second-person pronoun. M. Celce-Murcia and D. Larsen-Freeman argue that many non-English speakers find the presence of only one form of the second personal pronoun *you* for both singular and plural disconcerting and too direct” (Celce-Murcia, Larsen-Freeman, 1999, p. 304).

In Middle English and early Modern English singular and plural *you* were still differentiated: in singular Nominative case *thou/thow*, Objective case *thee* and Possessive *thyn(e)/thy*; and in plural Nominative case *ye*, Objective case *you* and Possessive *your(e)/yours* (Rastorguyeva, 2002, p. 231). It is noteworthy that in the 13th century English the singular forms (*thou, thy, thee*) were used among familiars and in addressing children or persons of inferior rank, while the plural forms (*ye, your, you*) began to be used as a mark of respect in addressing a superior. A.C. Baugh and T. Cable maintain that “in England the practice seems to have been suggested by French usage in court circles” (Baugh & Cable, 1978, p. 242).

Beginning with the 15th century the plural forms of the 2nd person - *ye, you, your* – were applied more and more generally to individuals and eventually substituted *thou*, which disappeared from Standard English completely during the first half of the 17th century (Rastorguyeva, 2002, p. 231). As D. Crystal points out, it remained widespread in regional dialects and “would continue so into Modern English” (Crystal, 2004, p. 310). In Standard English it became obsolete.

By the 16th century the singular forms had all disappeared from polite speech and are in ordinary use today only among the Quakers. (Nowadays it is found only in poetry, in religious discourse and in some dialects). The modern pronoun *you* comes from Middle English objective case *you*, its nominative case form *ye* has become outdated (Baugh & Cable, 1978, p. 242; Rastorguyeva, 2002, p. 231).

Although standard modern English uses *you* for both singular and plural, M. Swan argues separate forms exist in certain varieties of English. Thus, there are some forms in Yorkshire dialect. Some speakers in Yorkshire use *thu* or *tha* as a singular subject form and

thee as a singular object form. Besides “some Irish and Scottish dialects have a separate plural form *ye, youse* or *yiz*” (Swan, 2006, pp. 368, 406).

Furthermore, there are some ways English speakers of today compensate for the fact that the second-person pronoun *you* does not allow them to distinguish between singular and plural: for example they can mention the name of the person as an apposition when addressing an individual: for example *What are you, John, doing here?*

Besides, some forms have been developed to refer in the second person to more than one person. M. Swan claims “many Americans (and increasingly British people) use *you folks* or *you guys* (to both men and women) as an informal second-person plural. For example: *Hi, you guys. Listen to this.* In Southern US speech there is a second person plural form *you all* (pronounced *y'all*), used instead of *you* when people want to sound friendly or intimate; there is also a possessive *you all's* (pronounced *y'all's*).

Hi, everybody. How're you all doing? What are you all's plans for Thanksgiving?” (Swan, 2006, p. 429).

Alongside the indefinite pronoun *all*, while addressing the group one can use a group noun as a single word, or modified by adjectives with the meaning of “the entirety” or “including everyone without exception” (Merriam-Webster Online, 2007-2008), for example: *You should do this as a whole class!*

And what do English speakers do without a distinctly respectful form of a second-person pronoun? They are likely to try and show respect in some other way (using prosodic means, like intonation, or probably, mentioning names, or using words like *sir, madam*, etc., i.e. polite address).

Thus, present-day English speakers have two concerns about “*you*”: number and register. The commonplace *ты/вы/Вы* distinction in Russian and some other languages is not marked in the English pronoun system, but they can express these functions by supplementing the pronoun system with other markers – and even proposing novel pronouns such as *y'all*, adopted by lots of speakers.

So the language seems to be developing new ways to fill in the gap between the existing forms and communication needs.

References

1. Baugh, A. C., and Cable, T. (1978). *A History of the English Language*. (3rd ed.). London: Routledge.
2. Celce-Murcia, M., Larsen-Freeman, D. (1999). *The Grammar Book: An ESL/EFL teacher's course*. (2nd ed.). Boston: Heinle.
3. Crystal, D. (2004). *The Stories of English*. London: Penguin books.
4. Merriam-Webster's Online Dictionary. (2007-2008). Merriam-Webster, Inc. Retrieved February 21, 2008, from <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
5. Millward, C.M. (1996). *A Biography of the English Language*. (2nd ed.). US: Harcourt Brace College publishers.
6. Swan, M. (2006). *Practical English Usage*. (3rd ed.). Oxford, England: Oxford University Press.
7. Rastorguyeva, T.A. (2002). *A History of English*. (2nd ed.). M.: Astrel. ACT.

**Вариативность прочтений настоящего перфектного в
рамках эмотивного сверхфразового единства в
английском языке**

Афанасьева Виктория Владимировна

аспирант

*Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Россия*

E-mail: vrhappy@mail.ru

Если обратиться к теме английского перфекта в современных лингвистических исследованиях, то непременно бросается в глаза неоднородность трактовок данного явления. Больше всего внимания уделяется настоящему перфектному как отдельному феномену в английской грамматике. Лингвистический интерес простирается в нескольких направлениях, основные из которых – определение сущности перфекта и его грамматическая категоризация, вариативность значений формы и обоснование выделения ряда значений, так называемая «загадка перфекта» и др.

Из таких теорий настоящего перфектного, как теория результата, теория неопределенного прошлого, и теория продленного настоящего, на сегодняшний день выделяется до пяти прочтений перфектной формы: экзистенциальное, универсальное, результативное, значение недавнего прошлого/ «горячих новостей» и статичного настоящего. Последнее значение в английском языке присутствует только в обороте *have got*, но в других языках имеет большое значение. Нет единого мнения относительно природы прочтений перфекта: имеют ли они явные семантические отличия или являются прагматическими интерпретациями базового перфектного значения.

В нашей работе мы связываем значения перфекта с лексическим видом (Аксионсартом), основываясь на классификации глаголов английского языка З. Вендлера. Таким образом, лексическая природа глагола помогает в интерпретации грамматической формы. Эта интерпретация далеко не всегда однозначна, поскольку глаголы не принадлежат полностью одному классу, что вызывает, в частности, прения по поводу отнесенности лексического вида исключительно к глаголу в составе сказуемого, к сказуемому (глаголу и предикативным прилагательным и существительным) или ко всему предложению.

В отличие от современных западных исследователей перфекта, которые ограничиваются одним предложением или одной репликой в диалоге при трактовке значения перфекта, мы берем за основу сверхфразовое единство. Оно подвергается анализу с точки зрения эмотивности, поскольку нас интересует эмотивный текст, преимущественно, где настоящее перфектное является грамматической доминантой. Такие условия, на наш взгляд, оптимально реализуют потенциал перфектной формы и помогают разобраться в основаниях ее употребления в конкретном сверхфразовом единстве. Для анализа мы используем произведения английской и американской литературы второй половины XX века.

Литература

1. Бабенко Л.Г. (2004) Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
2. Iatridou, S., Anagnostopoulou, E., Izvorski, R. (2001) Observations about the Form and Meaning of the Perfect // Ken Hale: A Life in Language. Cambridge: MIT Press, p. 189-238.
3. McCoard, R.W. (1987) The English Perfect: Tense Choice and Pragmatic Inferences. Amsterdam: North-Holland Press.
4. Vendler, Z. (1967) Linguistics in Philosophy. Ithaca, New York: Cornell University Press, p. 97-121.

Проблема диалога культур в культурно-обусловленных ситуациях

Горохова Анна Ивановна

доцент, к.ф.н.

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

E-mail: anna_gorokhova@mail.ru

В настоящее время широко разрабатываются проблемы национально-культурной специфики языков, а проблемы межкультурной коммуникации толкуются как процесс и результат взаимопроникновения культур в процессе языкового общения.

В процессе межкультурного общения представители разных лингвокультурных сообществ воспринимают «чужую» культуру через свою локальную культуру, вследствие чего неизбежно возникает различная степень непонимания специфических проявлений «чужой» культуры. Национально-культурные, страноведческие знания, т.е. знания культуры и ценностей других народов необходимы для успешного межкультурного диалога. Вполне очевидно, что незнание культурно-речевых традиций каждого из народов и каждого из языков может вызвать деформацию общения в виде широкого спектра незапланированных реакций собеседника (от непонимания до возмущения), т.е. может не только затруднять межъязыковое общение, но и полностью его блокировать. Непонимание явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке может обуславливаться различными факторами: незнакомым языком, несвойственными стандартами смыслового восприятия мира, иными интересами, потребностями, системами ценностей и т.д.

Э. Сепиром и Б.Уорфом была выдвинута гипотеза, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка. Они предположили также, что языки различаются своими «языковыми картинками мира». Из их рассуждений следовало, что люди, говорящие на разных языках, имеют разные типы мышления, и все это не просто связано с языком, а им обусловлено. Однако их точка зрения во многих работах критически оценивается. Следовало бы говорить, что не язык определяет культурные представления общества, а разные языки придают картинкам мира лишь некоторую специфику, некоторый национальный колорит, что объясняется различиями в культуре и традициях народов.

Существуют многочисленные исследования в области межкультурной коммуникации, однако проблема диалога культур или, иначе говоря, конфликта культур остается недостаточно изученной. Такие исследования необходимы, т.к., по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «культурный барьер гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду. Опасен он еще и тем, что культурные ошибки обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые, несмотря на то, что первые гораздо более извинительны: различия культур не обобщены в своды правил, как различия языков, нет ни грамматик, ни словарей культур» (Тер-Минасова, 2004). Кроме того, существует так называемая «субъективная культура». Этот термин относится к невидимым, неосознаваемым аспектам культуры и характеристикам людей, таким как ценности, отношения, нормы поведения, социальные роли. Людям гораздо труднее обсуждать, наблюдать и понимать субъективные элементы собственной культуры, особенно если они вступают в конфликт друг с другом. Именно в этой сфере и происходит большинство случаев непонимания в ходе межкультурного общения (Cushner, Brislin, 1996).

Используя метод интернет-опроса информантов, мы анкетировали носителей англоязычной культуры, представителей США, Англии, Новой Зеландии, Канады, которые побывали в России не менее одной недели, и получили 43 ответа. Анкета, предложенная для заполнения, предназначалась для выявления ситуаций, которые вызывали у опрашиваемых непонимание или негодование, и включала вопросы, касающиеся вербального и невербального поведения. Данные ситуации затем были

сгруппированы по национально–маркированным компонентам на основе классификации, предложенной И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокиным (Антипов Г.А. и др., 1989). Авторы классификации считают, что именно эти компоненты создают проблемы в межкультурной коммуникации. Таким образом, были выявлены следующие национально-маркированные компоненты культуры: 1) традиции, обычаи, обряды; 2) бытовая культура; 3) повседневное поведение; 4) «национальные картины мира».

Результаты количественных подсчетов конфликтных ситуаций по национально-специфическим компонентам культуры показали, что конфликтные ситуации чаще возникали в сфере повседневного поведения жителей России, а именно в общественных местах. Можно предположить, что человек, принадлежащий одной языковой и культурной среде, прибыв в страну с другой культурой, первым делом обращает внимание на то, что находится в поле зрения. Психолингвисты установили, что влияние словесной информации на человека относительно и ограничено. Во всех случаях, когда человеку одновременно предлагается словесная и наглядная информация, человек предпочитает наглядную. Более того, иностранцы, слабо владеющие языком принимающей культуры или вовсе не знающие его, безусловно, словесную информацию воспринимают еще более ограничено, отсюда и преобладание конфликтных ситуаций в сфере *поведения* людей иной культурной среды.

Более глубокое понимание сущности культурных конфликтов, существующих на уровне психической и когнитивной деятельности участников различных ситуаций общения, будет способствовать эффективности этого общения. А изучение межэтнических различий сделает возможным не только полноценное знакомство представителей одного этноса с культурой «соседей», но и освоение мировой культуры, сосуществование в условиях неуклонной глобализации процессов социальной жизни.

Литература

1. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. (1989). Текст как явление культуры. Новосибирск.
2. Тер-Минасова С.Г. (2004). Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ.
3. Cushner K., Brislin R. W. (1996). Intercultural interactions. – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.

Языковые средства выражения категории ощущений человека в современном английском языке

Иванова Раиса Петровна

аспирант

Иркутский государственный лингвистический университет

Raissa1@yandex.ru

Введение

Проблема языковых аспектов категоризации ощущений является частью широкой проблематики антропологического вектора языковой деятельности, под которым понимают ориентированность языковых форм на отражение, репрезентацию самого человека и его активности средствами языка, в самом устройстве языка и организации его функционирования [Антропологическая лингвистика, 2003:14].

Как отмечают исследователи языка, в семиосфере любого языка и любой культуры Человек есть ключевая константа. Вне той роли, которая принадлежит ему как семиотической сущности, анализировать и описывать язык и культуру невозможно [Малинович М.В., 2007:410].

Среди категорий, характеризующих внутренний мир человека, определенное место занимает категория ощущений человека. Общеизвестным является тот факт, что любой фрагмент действительности сначала воспринимается органами чувств, затем он логически осмысливается, происходит его категоризация. Ряд исследователей [Чернейко, 1997:9; Кравченко, 2004: 17; Малинович Ю.М., 2006: 881] подчеркивает, что прежде чем концептуализировать и категоризировать любой феномен действительности, человек должен “пропустить его через себя”, через свои сенсорные механизмы, осмысливая воспринимаемые образы и воплощая их в языке. Информация, получаемая в результате сложного взаимодействия и сенсорных и других ощущений, в мышлении и сознании человека трансформируются на более высоком уровне мыслительной деятельности в значения и смыслы, получающие вербальные формы [Малинович Ю.М., 2006: 881]. В связи с этим, категория ощущений человека представляет собой богатую почву для исследования с точки зрения семантических и функциональных особенностей единиц, репрезентирующих данную категорию. В частности, одной из основных, прототипических языковых единиц, выражающих категорию ощущений человека, является многозначный глагол *feel*. Поэтому изучение его семантики и функционирования может привести нас к результатам, характеризующим психофизиологические процессы человека как создателя и пользователя языка.

Методы

В работе используется комплекс лингвистических методов. В качестве основного применяется полевой метод синхронного анализа лексических единиц. Выявление характерных для исследуемых глаголов дифференциальных признаков на основе словарных дефиниций осуществляется с помощью компонентного анализа. Контекстуальный (дистрибутивный) метод позволил определить синтагматические связи слов. Кроме того, используются приемы ступенчатой идентификации, трансформации и др.

Результаты

Категория ощущений человека является эгоцентрической категорией, которая концептуализируется и категоризуется с позиции воспринимающего и познающего мир человека. При выражении своих ощущений человек на подсознательном уровне синтезирует языковые единицы, обозначающие психические процессы человека, что проявляется в размытом характере поля ощущений и присутствии синестезических метафор: *She could feel an anger boiling up inside her* [Sheldon, 1999:48]. В сочетании *anger boiling up* мы видим, что механизмом создания метафоры в данном случае выступает физическое ощущение температурных изменений тела. Следовательно, формула переноса выглядит следующим образом: температурное ощущение – эмоциональное

ощущение. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что наиболее частотной моделью образования синестезических метафор являются направления: тактильное ощущение – вкусовое ощущение, тактильное ощущение - слуховое ощущение, вкусовое ощущение - обонятельное ощущение, вкусовое ощущение – слуховое ощущение.

Номинарующей единицей категории ощущений человека в английском языковом сознании является имя Sensation. Глагол feel является прототипом категории ощущений человека. Как показал анализ словарных дефиниций толковых словарей английского языка, у глагола feel можно выделить семантические признаки, относящиеся к физическим, эмоциональным и ментальным ощущениям. Об этом свидетельствуют дефиниции: to have physical or emotional sensation (CGED); to have mental sensations (WEUD). Обозначим эти семантические характеристики как feel1(физические ощущения), feel 2 (эмоциональные ощущения), feel 3 (ментальные ощущения). Такая последовательность семантических признаков объясняется последовательностью возникновения толкований в словарной статье, а также ее можно интерпретировать как соответствующую развитию психических процессов у человека: первоначальными для человека являются физические ощущения, затем следует развитие чувств, и, в последнюю очередь, мышления. Составленную нами систему значений глагола feel, мы представили в виде концептуальной модели семантики глагола feel, которая выражает категорию ощущений человека прототипически, то есть, наиболее типично используется говорящим при выражении своих ощущений.

Литература

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. (2003) Коллективная монография под ред. и общим научным руководством доктора филологических наук, проф. Ю.М. Малиновича.- Москва – Иркутск.
2. Кравченко, А.В. (2004) Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А.В. Кравченко.- Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та.
3. Малинович М.В. (2007) Причинность // Внутренний мир человека: семантические константы / отв. ред. М.В. Малинович. – Иркутск.
4. Малинович Ю.М. (2006) Семиосфера внутреннего мира человека: проблема семантики эгоцентрических категорий // Новое в когнитивной лингвистике: материалы международной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. Ред. М.В. Пименова.-Кемерово: Кем ГУ.
5. Чернейко, Л.О. (1997)Лингво-философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко.- М.
6. (CGED) Collins Gem English Dictionary (1994).- Harper Collins Publishers.
7. (WEUD) Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English language (1993).- New York: Random House.
8. Sheldon S. (1999) If Tomorrow Comes. Penguin Press.

Некоторые особенности делимитации устного текста

Казанникова Дария Петровна

доцент кафедры фонетики английского языка

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: dasha_kazann@mail.ru

Делимитация устного текста является важной функцией интонации, так как отрезок речи не просто вычленяется, но и связывается определенным образом с другими частями устного текста. Следовательно, делимитация предполагает одновременное разрешение проблемы отношения отделяемого сегмента к другим сегментам и тексту в целом. Таким образом, делимитация несет в себе смысловоразличительную функцию и является одним из аспектов организующей функции интонации. Под организующей функцией интонации понимается способность интонационных средств организовывать речевой поток как на уровне содержательном, так и на уровне формально-структурном (см. Р. М. Тихонова, 1980).

Согласно экспериментальным данным, особенности делимитации, т.е. особенности варьирования длительности интонационной группы, частоты появления и длительности пауз в речи, зависят, с одной стороны от психофизиологических особенностей человека. Так, по данным Ж. А. Дозорец, минимальная частота появления пауз в речи связана с естественным ритмом человеческого дыхания, и длительность безпаузального произнесения варьируется в пределах 2-3 секунд, что приближается к длительности выдоха человека, т.е. ко времени дыхательного цикла (Дозорец Ж. А., 1971).

Однако, неоднократно отмечалась и зависимость делимитации от смысловых отношений (Черемисина, 1982; Николаева, 2000 и др.). Основной причиной, влияющей на делимитацию в пределах фоноабзаца, является коммуникативная значимость интонационных групп: наиболее информативно-важные являются более короткими, и выделены более длительными паузами, чем менее значимые. Роль делимитации как выделителя наиболее важного отрезка текста приобретает особое значение в спонтанной речи, где смысловые отношения между высказываниями и их компонентами не столь очевидны, так как не всегда выражаются формально-грамматическими средствами. Решение о членении говорящий в процессе порождения устного текста принимает, прежде всего, в соответствии со смысловыми отношениями единиц речи. Желание выразить определенный смысл побуждает говорящего разделять даже элементы, связанные тесной синтаксической связью, или объединять завершенные в структурно-семантическом плане сегменты в единое целое.

Например: I learned a lot of things / I didn't know about // from home//

My interests // include / many things // I enjoy playing guitar//

Языковой универсалией видимо является и выделение длительными экспрессивными паузами наиболее значимых слов, обозначающих например членов семьи «father, mother, family, parents», выделение осуществляется на подсознательном уровне, что связано с особым положением родителей, семьи в жизни человека.

Например: My father, /// butcher for twenty, grew up in the butchering trade, ...

Parents // are both Irish / father / butcher for twenty-five years / mother // housewife /

My family // my parents / are sort of semi-retired now. // my mother // used to be a model /

Все указанные особенности делимитации позволяют говорить о том, что проблема членения текста на составляющие является одной из важных проблем лингвистики текста.

Литература

1. Тихонова Р. М.. (1980) Некоторые особенности просодической организации чтения монологического текста и спонтанного монолога-рассказа. Дисс. ...канд. филол. наук. / Р. М. Тихонова. М., 1980.

2. Дозорец Ж. А.. (1971) Эксперимент по определению связи между ритмом дыхания и паузами в речи // Уч. зап. / Моск. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1971. – № 423.
3. Черемисина Н. В. (1984) Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. / Н, В. Черемисина. М.: Русский язык, 1984.
4. Николаева Т. М. (2000) От звука к тексту. / Т. М. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000.

Вариативность в реализации фазовости как категории текста

Касаткина Татьяна Васильевна

студент

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет, Нижевартовск,
Россия*

E-mail: nggu_eld@nvtel.ru; angelmine@inbox.ru

Предметом исследования в настоящей работе явилась фазовость как текстовая характеристика и прагматические основы её реализации.

Предмет изучения лежит в области лингвистики текста, которая, по-прежнему, остается одной из актуальных областей современного языкознания.

Чаще всего в литературе по лингвистическому анализу текста цитируется определение текста, предложенное И.Р.Гальпериным в 1981 г., согласно которому текст – «это произведение речетворческого процесса... объектированное в виде письменного документа...» (Гальперин, 1981, с. 18). Однако с точки зрения современной лингвистики ориентация на письменную форму является недостаточной. Все чаще лингвисты говорят о тексте-дискурсе (Блох, 2005, с. 6) как о процессе и продукте речевой деятельности, не только письменной, но и устной, и указывают на необходимость учёта обстоятельств общения и характеристик коммуникантов. Таким образом, предмет исследования смещается в область прагматики, которая исследует единицы языка в их отношении к пользователям (Ахманова, 2005, с. 344).

Для определения текстовых характеристик, дающих представление о последовательности частей и событий в тексте, в литературе предлагаются различные термины: континуум, проспекция / ретроспекция, завершенность, концовка (Гальперин, 1981, с. 87-134). В настоящей работе данные категории объединены понятием фазовость. Фазовость представляет взаимосвязь, взаимообусловленность и последовательность единиц или частей текста, отражающих события реального или художественного мира, который порождается говорящим или пишущим – автором речевого произведения.

Предметом лингвистического анализа в этом случае является схема или структура фазовости, её языковое представление через разнообразные средства (глагольные формы, временные и пространственные обстоятельства, содержательно-тематические элементы), а также взаиморасположение частей текста. Фазовость может способствовать переакцентуации и в связи с этим реорганизации порядка следования его единиц, быть проспективной и/или ретроспективной.

Материалом для исследования послужили произведения газетного и публицистического стилей речи (Galperin, 1977, с. 287, 298) – короткие новостные заметки и газетные статьи из зарубежных информационных изданий. Разные способы развертывания фазовости, связанные с различными формами существования языка, его жанрово-стилевыми разновидностями, в работе называются вариативностью (Расторгуева, 1989, с. 7).

Последовательность в описании событий в текстах газетных сообщений связана, прежде всего, с актуализацией важнейших фактов сообщения и диктуется прагматической установкой этих текстов, которая заключается в своевременном информировании читателя. Для газетных заметок характерна ограниченность места и строго определённая структура, а именно концентрическая подача информации, а также особое расположение частей высказывания, когда наиболее значимая, с точки зрения автора, информация выносится на первое место (Арнольд, 2002, с. 347). Считается, что новостные заметки построены в виде «перевернутой пирамиды» – описание событий идет от конца к началу в ретроспективе. Таким образом, фазовость в газетных текстах не обязательно соответствует реальной хронологической последовательности событий.

В публицистических статьях в зависимости от вида статьи (оперативная, проблемная, пропагандистская) автор может обращаться к событиям далёкого прошлого, особенно

если требуется тщательный анализ проблемы. Статья выражает развёрнутую, обстоятельно аргументированную концепцию автора или редакции по поводу актуальной социальной проблемы (Грабельников, 2001, с. 217).

Прагматическое значение фазовости коротких газетных сообщений и её специфика, заключается в том, что она позволяет обратить внимание читателя в первую очередь на важнейшие события, и, кроме того, в рамках одного предложения очертить временную перспективу развития событий. Прагматическое значение фазовости публицистических статей выражается в желании автора актуализировать наиболее важные с его точки зрения факты для подтверждения своей позиции, равно как и воздействия на читателя.

В ходе исследования было выяснено, что фазовость в текстах новостных заметок и статей нередко варьируется и может быть не только ретроспективной (в виде «перевернутой пирамиды»), но и проспективной или ретро-проспективной. Это определяется несколькими факторами, и, прежде всего, желанием автора актуализировать наиболее важную информацию.

Прагматическое значение проспективной фазовости определяется намерением автора описать события в той хронологической последовательности, которая реально имела место. Ретроспективная, равно как и смешанная, ретро-проспективная фазовость – нелинейная, искажённая – позволяет реализовать другую прагматическую установку – выделить основное событие, привлечь к нему внимание. Переплетение временных и событийных планов может затруднять восприятие связной и цельной картины. Вместе с тем, подобная фазовость позволяет актуализировать наиболее значимые компоненты текста.

Вариативность фазовости характерна для текстов не только в рамках одной жанрово-стилевой разновидности, но и в большей степени для текстов разных функциональных стилей. Это может найти объяснение в русле когнитивно-дискурсивного направления, в частности при включении в круг рассмотрения персонально-реляционного аспекта текста (Блох, 2005, с. 253) и, в частности, понятия «наблюдатель», под которым понимается говорящий или пишущий, передающий сообщение о воспринимаемом им мире (Плотникова, 2005, с. 103).

Литература:

1. Арнольд И.В. (2002). *Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов.* – М.: Флинта. Наука.
2. Ахманова О.С. (2005). *Словарь лингвистических терминов.* – М.: КомКнига.
3. Блох М.Я. (2005). *Текст в становлении и развитии // Стилистика и теория языковой коммуникации: Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.Р.Гальперина.* - М.: Изд-во МГЛУ. С. 6-9.
4. Гальперин И.Р. (1981). *Текст как объект лингвистического исследования.* - М.: Наука.
5. Блох М.Я. (2005). *Послесловие: Идеи ученого в ретроспективе и перспективе // И.Р. Гальперин. Избранные труды.* М.: Высшая школа. С. 251-254.
6. Грабельников А.А. (2001). *Работа журналиста в прессе: Учебное пособие.* – М.: Изд. РИП-холдинг.
7. Плотникова С.Н. (2005). *Я – Наблюдатель и Я – Конструктор: Дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Международной научно-практической конференции (Иркутск 14-18 июня 2005). Часть I.* – Иркутск: БГУЭП.
8. Расторгуева Т.А. (1989). *Очерки по исторической грамматике английского языка.* – М.: Высшая школа.
9. Galperin I.R. (1977). *Stylistics.* – М.: Higher School.

Компоненты семантики аллюзивных единиц

Киосе Мария Ивановна

кандидат филологических наук, зав. кафедрой Лингвистика НОУ ВПО МИМ ЛИНК

e-mail: aaa_kmu@progtech.ru

В настоящей работе рассмотрены составляющие семантической структуры аллюзивных единиц. Актуальность данного исследования частотностью использования стилистического приема аллюзии; недостаточной изученностью его природы и механизма образования, особенностей функционирования аллюзивных единиц; значимостью аллюзий как единиц с богатой культурологической семантикой при воссоздании национальной картины мира.

Методологической основой работы являются общетеоретические и специальные труды отечественных и зарубежных лингвистов в области когнитивистики, стилистики, филологической герменевтики, социолингвистики.

Семантика аллюзии как стилистического приема представляет собой систему сложных взаимосвязанных лексических, грамматических и прагматических связей и отношений. Лексические, грамматические и прагматические компоненты семантики аллюзии формируют ее как единицу повторной номинации (при рассмотрении плоскости «аллюзия – контекстуальный индикатор»), и одновременно как единицу вторичной номинации (в плоскости «аллюзия – источник аллюзии в протослове»).

Лексическое значение. У истоков порождения аллюзивного знака находятся концептуальные знания, содержащиеся в ее контексте и концептуальные знания, содержащиеся в ее источнике. Установлено, что в основе экспрессивно-образного переименования аллюзии лежит соотнесенность с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак, что предполагает сопоставление двух предметов (вещей, явлений, процессов и др.) или двух признаков предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними в реальной действительности или в воображении говорящего.

Семантика аллюзии представляет собой совокупность сложных концептуальных структур (контекстуального индикатора и источника). Предложено описать механизм ассоциативного переименования аллюзии как комбинацию метафоры и метонимии (метафтонимический перенос). Метафорическим является перенос с участием общего концептуального признака аллюзии и ее источника. Метонимический перенос реализует один из концептов значения источника путем наложения его на весь текст аллюзии. Именно этот концептуальный признак и вводит новое значение в текст.

Грамматическое значение. Анализ грамматических характеристик аллюзивного слова показал, что аллюзия - средство двойной референции: в отношении к контекстуальному индикатору во вторичном тексте (повторная номинация); и в отношении к ее источнику в протослове (вторичная номинация). Выявлены пять способов преобразования источника: полное воспроизведение морфологической и синтаксической формы источника в новом контексте; изменение морфологической формы слова таким образом, что образование аллюзивного слова происходит по той же словообразовательной модели, что и образование источника; изменение синтаксической формы аллюзивного высказывания за счет подстановки новой лексической единицы при сохранении ритмико-синтагматической структуры источника; аффиксация; сокращение и аббревиация.

Прагматическое значение. Анализ прагматических характеристик аллюзивного слова позволил определить его как средство актуализации характеристик коммуникативной ситуации, порождающей аллюзию (концептов контекстуального индикатора), с одной стороны, и, с другой, фоновых знаний и культурных стереотипов, реализующих аллюзию (концептов источника).

Выявление прагматических характеристик коммуникативной ситуации, порождающей аллюзию, позволило исследовать информационный запас аллюзии как единицы контекста, количественный уровень которой влияет на преобразование поверхностных структур высказывания в глубинные. Аллюзия как стилистический прием образной импликации нуждается в текстовых сигналах, способствующих её обнаружению и декодированию подразумеваемой в ней информации. Эту функцию могут выполнять эксплицитно выраженные сигналы – элементы квантования. Если реципиент распознает авторское намерение, то он достраивает количественный уровень информации высказывания до необходимого и достаточного. Если этого не происходит, то недостаточное количество информации, содержащееся в поверхностной структуре высказывания, не позволяет ему понять глубинный смысл сообщения.

Выявление прагматических характеристик фоновых знаний и культурных стереотипов, участвующих в образовании аллюзии, позволило определить ее место в системе вторичных текстов. На основе изучения характера авторской оценки, способа изображения предмета во вторичном тексте, формы воспроизведения семантических и стилистических особенностей протослова, мы предлагаем рассматривать аллюзию как один из видов перифраза, который является более широким понятием, так как он объединяет в себе разные способы замены одного выражения описательным выражением.

Номинация аллюзии связана с формированием особых оценочных коннотаций, создаваемых этим приемом. Установлено, что оценочный компонент прагматической семантики аллюзии имеет двухступенчатую структуру. Происходит процесс субъективной оценки уже оцененного при первичном наименовании признака при вспомогательной роли остальных дескриптивных признаков. Аллюзия – способ привнесения новых оценочных концептов с использованием знаков, уже имеющихся в семиотической системе языка.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Восточная литература РАН, 1995. – 472 с.
2. Арнольд И. В. Теоретические основы стилистики декодирования. // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. - М., 1999. – 325 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001. – 288 с.
4. Лебедько М. Г. Культурные преграды: преодоление трудностей межкультурного общения. - Владивосток, 1999. – 231 с.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. – 141 с.

Способы речевого воздействия в конфликтном дискурсе: реализация гендерного аспекта

Кошкарлова Наталья Николаевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия*

E-mail: nkoshka@rambler.ru

Речевое воздействие исследуется представителями целого комплекса смежных наук – традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, риторики, стилистики и культуры речи, теории массовой коммуникации, рекламы, конфликтологии и др. Важным аспектом в изучении речевого воздействия является анализ механизмов коммуникативного взаимодействия: в частности, речевое воздействие рассматривается как инструмент социальной власти или тип социальной коммуникации. Существенным является также представление о том, какими средствами при планировании речевого воздействия адресант моделирует содержание сознания адресата. Другим аспектом изучения проблемы является исследование речевых средств и функций языка, которые могут использоваться при воздействии, в частности, анализ семантических и денотативных элементов текста.

Не вызывает сомнения тот факт, что изучение и применение в повседневном общении правил и приемов эффективного речевого воздействия важно с точки зрения сокращения (элиминации) деструктивных форм общения, формирования толерантного типа взаимодействия. Речевое воздействие в конфликтном дискурсе имеет огромное значение также по причине того, что коммуникация в данном случае будет определяться тем типом деятельности, который организован в каждом конкретном случае. Речевое воздействие в конфликтном дискурсе будет иметь свою специфику ввиду эмоционально негативного отношения коммуникантов друг к другу, столкновения ценностных ориентаций и интересов участников конфликта, эмоциональности анализируемого типа общения. На наш взгляд, особенно важным является изучение механизмов речевого воздействия в жанре интервью, где наиболее ярко будут проявляться статусные роли собеседников, отличия в их социальном опыте, степень речевой культуры, то есть все факторы, которые в той или иной степени влияют на успех/неуспех коммуникации.

При анализе текстов интервью наиболее уместными становятся положения о речевом воздействии, выработанные в теории речевой деятельности. В соответствии с этой теорией речь обслуживает общение, в процессе которого коммуниканты, регулируя поведение друг друга, осуществляют свое сотрудничество для организации совместной деятельности. Задачей речевого воздействия в таком случае становится изменение поведения или мнения собеседника(ов) в необходимом говорящему направлении. И.А. Стернин [3: 87] выделяет следующие основные способы речевого воздействия на другого человека: 1. Доказывание. 2. Убеждение. 3. Уговаривание. 4. Клянчение. 5. Внушение. 6. Приказ. 7. Просьба. 8. Принуждение.

На наш взгляд, в список способов речевого воздействия следует внести следующие приемы:

1. Угроза.
2. Оскорбление.
3. Упрек.

Угроза, оскорбление, упрек представляют самостоятельные стратегии речевого воздействия (в нашем случае, в конфликтном дискурсе). Данные стратегии речевого поведения в конфликтном типе вербального поведения располагают определенным набором речевых тактик. Угроза, оскорбление, упрек получают определенное лексико-семантическое воплощение и порождают определенные речевые реакции.

В нашем понимании угроза представляет собой способ речевого воздействия, реализующий агрессивный потенциал при функционировании в рамках конфликтного дискурса. Принимая во внимание триаду, согласно которой конфликт является

источником речевой агрессии (а та порождает коммуникативный конфликт), угроза может быть началом речевой агрессии, ответной реакцией на вербальную агрессию или эмоциональной реакцией. Оскорбление – это иллокутивный речевой акт, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. При оскорблении происходит понижение социального статуса адресата путем морального воздействия на его интеллектуальную деятельность. Оскорбление может реализовываться через следующие речевые акты: 1) совет; 2) угроза; 3) шантаж; 4) хамство; 5) недоверие. Упрек может рассматриваться как речевой акт и как прагматический акт. В качестве прагматического акта упрек представляет косвенное выражение эмоционально-оценочного отношения к партнеру и имеет набор собственных стратегий и тактик.

В процессе реализации описанных выше способов речевого воздействия можно выявить существенные гендерные отличия, которые характерны для речи мужчин и женщин. Не вызывает сомнения тот факт, что гендерно обусловленные модели речевого поведения задаются не природой, а обуславливаются и предписываются обществом и институтами социального контроля. Как отмечает А.В. Кирилина [1: 8], пол человека – одна из важнейших характеристик личности, во многом определяющая его социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире, в том числе посредством языка. С одной стороны, гендерные отношения являются объективными, так как индивид воспринимает их как данность, но, с другой стороны, они являются субъективными как конструируемые обществом и культурными традициями. Т.Г. Копанева [2: 13] указывает, что в структуре гендерных отношений можно выделить два уровня. Первый уровень – социологический – связан с реальными статусами мужчин и женщин в различных социальных институтах (политических, экономических, профессиональных). Второй уровень – социально-психологический – имеет дело с гендерным сознанием, которое включает гендерные установки, ценностные ориентации, стереотипы, нормы, ценности, связанные с восприятием личностью себя как представителя определенного биологического пола. В исследовании нами способов речевого воздействия в деструктивном типе общения и анализе связи социального пола и конфликтного коммуникативного поведения нас будет интересовать именно второй уровень структуры гендерных отношений, так как любое ролевое поведение (агрессивное в том числе) определяется социальным положением. Реализуясь на уровне социальных отношений, гендерное сознание вырабатывает определенные гендерные стереотипы – культурно и социально обусловленные мнения, стандартизированные представления о качествах, атрибутах, нормах, моделях поведения определенных полов. Таким образом, гендер представляет собой социальный и когнитивный феномен, проявляющийся в языковых стереотипах и речевом поведении индивидов мужского и женского полов.

Литература

- 1) Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Автореферат дис. ... доктора. филол. наук. – М., 2000. – 40 с.
- 2) Копанева Т.Г. Гендерный аспект языка и коммуникации: Социально-философский анализ: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Дону, 2003. – 27 с.
- 3) Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 252 с.

Синкретизм в лингвистике и его виды

Павлюковец Марина Алексеевна

аспирант

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: marina190983@mail.ru

В диссертационном исследовании «Синкретизм частей речи современного русского языка» И.В. Высоцкая описывает следующие виды синкретизма:

- разрешимый и неразрешимый синкретизм;
- диахронический и синхронический синкретизм;
- расчлененный и нерасчлененный синкретизм

Мы считаем приемлемым дополнить этот список двумя видами синкретизма, которые выделяет П.В. Чесноков – статический и динамический (Чесноков, 2000).

Разрешимый неразрешимый синкретизм

Некоторые языковеды, например В. Скаличка (1967), В.В. Бабайцева (1983) говорят о том, что синкретизм является одним из необратимых системных сдвигов в языке в процессе его развития. Это обстоятельство служит тому, что они относят синкретизм только к парадигматике и предлагают отличать это языковое явление от контаминации и диффузности, в то время как существует синкретизм, который относится только к синтагматике, к живым процессам языка, которые проявляются в речи.

Обсуждая проблему разграничения понятий синкретизма и нейтрализации, Л. Ельмслев пришел к выводу что оно основано на противопоставлении двух видов синкретизма: разрешимого, который можно удалить при анализе и неразрешимого, т.е. синкретизма, который нельзя устранить (Ельмслев, 1960).

Отличительным признаком неразрешимого синкретизма является то, что он проявляется в синкретичных образованиях на разных уровнях языка, в то время как разрешимый синкретизм является проявлением омонимии и многозначности (Высоцкая, 2006).

Диахронный и синхронный синкретизм

Явления синкретизма можно рассматривать как ни синхронном срезе языка, так и на диахронном, причем на сегодняшний день степень разработанности изучения проблемы синхронного синкретизма гораздо выше, чем диахронного.

К явлениям древнего (диахронного) синкретизма Зубова Л.В. относит метафору, метонимию, комплексное представление набора сем в слове, трансформацию частей речи, полисемию слов и морфем, контаминацию, словосложение, эллипс, междусловное наложение.

На современном этапе развития языка большое количество синкретичных образований объясняются тенденцией к экономии языковых средств и вследствие чего, относятся к явлениям так называемого «вторичного» (синхронного) синкретизма (Зубова, 1989).

Можно сделать выводы, что эти два вида синкретизма различаются не выражением языковых форм на разных этапах развития языка, а их различной обусловленностью: символическим представлением понятия синкретизм в древности и тенденцией к экономии.

Расчлененный нерасчлененный синкретизм

В.В. Бабайцева в своей монографии выделяет еще два вида синкретизма, который особенно характерен для всех синтаксических единиц:

- расчлененный синкретизм;
- нерасчлененный (диффузный) синкретизм.

Если сопоставить эти два вида синкретизма, то различие между ними будет проявляться в отсутствии или наличие оформленности семантических компонентов многозначной семантики языковых и речевых фактов.

Расчлененный синкретизм – это многозначность языковых и речевых явлений, оформленная грамматическими и лексико-грамматическими средствами. При таком виде синкретизма план содержания поддерживается планом выражения, по причине того, что совмещенные семы соответствующим образом оформлены расчленено (Бабайцева, 2000).

Но в языке встречается другой синкретизма, именуемый нерасчлененным синкретизмом при котором разные компоненты значения могут иметь и различное лексико-грамматическое выражение. Нерасчлененный синкретизм – это многозначность языковых и речевых явлений, неоформленная грамматическими и лексико-грамматическими средствами. Вполне понятно, что в этом случае сочетающиеся семантические компоненты выявляются из лексических значений, из речевой семантики (Бабайцева, 2000).

Следует отметить тот факт, что расчлененный синкретизм более характерен для сложного предложения литературного языка, а диффузный для простого.

Как отмечает В.В. Бабайцева в языке и речи также существует и полидиффузный синкретизм. Мы можем говорить об этом виде синкретизма, когда один компонент значения оформлен семантическими средствами, а другой выявляется из лексического наполнения предложения.

Статический и динамический синкретизм

Занимаясь исследованием динамического синтаксиса, П.В. Чесноков различает синкретизм статический и синкретизм динамический.

Традиционно выделяемый синкретизм, под которым мы понимаем нерасторжимую слитность, одновременное совпадение в одном лингвистическом знаке (морфеме, слове синтаксической конструкции) двух или более значений, функций, категорий может быть назван статическим, поскольку при нем признаки различных, зачастую противоположных, находящихся в оппозиции категорий в синкретичных единицах существуют одновременно, не переходя друг в друга, не заменяя друг друга в процессе реализации этих единиц (по общей формуле А+В)» (Чесноков, 2001).

Термином динамический синкретизм П.В. Чесноков называет «...синкретизм иного рода...при котором языковая единица в процессе ее реализации совершает переход от одного качества к другому, от одной категории к другой, находящейся к ней в оппозиции, противопоставленной ей (по общей формуле после АВ или за А следует В)» (Чесноков, 2001).

Литература

1. Чесноков П.В. (2000) О динамическом синкретизме речевых построений // Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог, 2000. – С. 124-128.
2. Ельмслев Л. (1960) Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. – С. 348.
3. Высоцкая И.В. (2006) Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: дисс. ... докт. филол. наук (10.02.01) / Моск. гос. пед. ун-т. – Москва, 2006. – 452 с.
4. Зубова Л.В. (1989) Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л. – 1989.
- 5 Бабайцева В.В. (2000) Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. – М., 2000. – 640 с.
- 6 Чесноков П.В. (2001) Синкретизм статический и динамический // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». – Вып. 7 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – Москва – Ставрополь.: Изд-во СГУ, 2001. – С. 27-30.

Семантические особенности восклицательных номинативных предложений

Паниткова Элина Юрьевна

студент

Мурманский государственный педагогический университет, Мурманск, Россия

E-mail: ellina.panitkova@gmail.com

Современная когнитивная лингвистика придерживается взгляда, что мир не состоит из четко выделяемых объектов. Природа мира такова, что он «текуч, подвижен и континуален», границы между категориями носят «аморфный, нечеткий, диффузный характер» (Худяков, 2005, С. 147). Данное положение справедливо и для основной коммуникативной единицы – предложения. Границы между так называемыми структурно-коммуникативными типами предложений являются нечеткими. Данная тенденция отслеживается, в частности, в рамках восклицательных номинативных предложений, которые представляют пограничные образования на стыке восклицательного и повествовательного структурно-коммуникативных типов. Ситуация представляет особый интерес ввиду того, что сами номинативные предложения являются особым типом повествовательных предложений, а статус восклицательных предложений остается предметом дискуссионным предметом.

Выявление различных семантических особенностей восклицательных номинативных предложений проводилось с помощью применения метода структурно-семантического и когнитивного анализа. Актуальность работы обуславливается тем, что достаточно традиционная тема разрабатывается в новой парадигме, а именно: в когнитивной лингвистике, которая дает объяснение и интерпретацию не только прототипических значений, но и непрототипических вариантов. Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах по теоретической грамматике, функциональной грамматике, семантике синтаксиса, в семинарах, посвященных классификации предложений и структурно-коммуникативных типов, для написания рефератов, курсовых и дипломных работ.

Проведенное исследование показало, что восклицательные предложения представляют собой самостоятельный структурно-коммуникативный тип. Прототипическим значением данных предложений является субъективность отношений, выражение эмоционального состояния адресата. Базовым значением номинативных предложений является бытийность. В отношении восклицательных номинативных предложений было установлено, что, как правило, в них на первый план выступает функция характеристики, выявляющая эмоциональное отношение к предмету. Некоторые модели данных предложений могут синтезировать наименование и бытийность (Иванова, 2005, С. 90). Такая широта семантики связана со спецификой лексико-морфологической природы существительного и его широкими семантическими возможностями, что является подтверждением идеи континуума системы коммуникативных типов. На основании семантических, функциональных различий были выделены разнообразные типы восклицательно-номинативных предложений: *existential / identificational exclamations, characterising exclamations, evaluation exclamations, contemplation exclamations, echo exclamations.*

Литература

1. Иванова Е.Ю. Предложения типа Пожар!: бытие или идентификация? // Филологические науки, 2005, № 1. – 128 с. С. 90-93.
2. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / Андрей Александрович Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с. С. 147.

Явление гипертекста в современной литературной коммуникации

Панфилова Серафима Сергеевна¹

аспирант

ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»

г. Саранск, Россия

E-mail: scully_ss@rambler.ru

Литературная коммуникация, понимаемая в целом как специфический вид общения автора и читателя посредством художественного произведения (Hess-Lüttich, 1991), в настоящее время заметно усложнила свою структуру через включение в этот процесс третьих лиц, которые определили своё поле деятельности в регулировании процесса читательского восприятия художественного текста. Эти лица через создаваемые ими тексты, в числе которых разнообразные комментарии, аннотации и прочие сопроводительные материалы (СМ), включаемые наряду с базовым художественным текстом в одно типографское издание, начинают заметным образом влиять на характер современной литературной коммуникации. Отличительной чертой последней является, таким образом, высокий уровень гипертекстуальности, реализуемой в виде отношений, которые возникают между основным текстом и текстами дополнительных материалов и, как следствие, выявляют проблему, способную стать в лингвистике текста одной из самых актуальных, обусловленных ситуацией сегодняшнего дня.

О масштабах этой проблемы говорит диахронический ракурс её исследования, открыто обнаруживающий в отдельно взятом современном издании значительное увеличение числа текстов, созданных сторонними по отношению к автору лицами, простирающими свои функции вплоть до истолкования смысловой структуры художественного текста. Вызывает интерес и эволюционный процесс включения третьих лиц в структуру литературной коммуникации. Обращение к историческому материалу показало, что в англоязычных изданиях отсчет существования СМ можно вести с первых литературно-художественных типографских изданий У. Кэкстона, датируемых XV в. Если выбрать их в качестве исходной ступени, то при сравнении с настоящим моментом становится заметным не только количественный, но и качественный рост СМ. Так, если комплекс СМ к «Кентерберийским рассказам» Дж.Чосера в издании У. Кэкстона ограничивается предисловием (*prohemye*) (Chaucer, 1476), то роман Д. Дефо «Моль Флендерс», опубликованный британским издательством *Penguin* в 1989 насчитывает 10 видов текстовых СМ: *author's biography, about editor, acknowledgements, introduction, a note on the text, a note on currency, a chronology of Daniel Defoe, further reading, notes, summary* (Defoe, 1989). Несомненно, что их жанровое разнообразие вызвано потребностями читательской аудитории, которые были осознаны третьими лицами, включившим (и что самое важное, продолжающим включать и совершенствовать) те или иные виды СМ в свои издания. Частично причины появления некоторых СМ вполне очевидны. К примеру, включение биографических сведений обусловлено желанием читателя иметь какую-либо информацию об авторе в целях восприятия его как личности, а не как абстрактного субъекта. Остальные факторы требуют изучения, что в свою очередь затрагивает с несколько неожиданной точки зрения и проблему человеческого фактора в языке.

В наши дни практически ни одно литературно-художественное издание, выполненное типографским способом, как отечественное, так и зарубежное, не обходится без СМ. Можно даже заявить, что издания с нулевым уровнем гипертекстуальности, т.е. отсутствием каких-либо видов СМ, становятся исключением из правила. Из 48 проанализированных изданий художественных текстов, выпущенных

¹ Автор выражает благодарность профессору, д.ф.н. Трофимовой Ю.М. за помощь в подготовке тезисов

в 20-21 вв., только 3 не имели выхода в гипертекст. Качественный и количественный состав СМ производит впечатление того, что функции третьих лиц продолжают расширяться; даже составление перечня СМ начинает представлять известную трудность. В ходе проведенного исследования зарубежных и отечественных печатных изданий художественной прозы на английском языке как языке оригинала было зафиксировано 13 видов текстовых СМ: *editor's note* (слово от издателя), *introduction* (вступительная статья), *publication* (информация о первой публикации произведения), *bibliography* (библиография), *explanatory notes* (комментарий), *notes on the text* (текстовый комментарий), *about editor* (информация об авторе СМ), *miscellaneous* (другие виды СМ), *biography* (биографические сведения об авторе произведения), *summary* (краткое содержание произведения), *review* (отзыв на произведение), *acknowledgements* (благодарность составителя СМ), *appendix* (дополнительные материалы).

Таким образом, можно говорить о том, что начиная со второй половины 20 в. прослеживается устойчивая тенденция к увеличению количества СМ, сопровождающих базовый художественный текст. Между тем, их роль и значимость оценены в настоящий момент приблизительно. В разных источниках время от времени раздаются голоса о важности данных материалов. Их функция, в частности, была прокомментирована следующим образом: «Данные материалы призваны сопровождать читателя в процессе чтения и до него, создавая ему тем самым, при условии обращения к ним предпосылки для лучшего понимания содержательной и смысловой структуры текста» (Книговедение, 1982). Однако не вызывает сомнения тот факт, что формулировка «для лучшего понимания» выглядит весьма туманной и нуждается в серьезном уточнении, особенно очевидном на фоне большой востребованности самых разнообразных СМ в наши дни.

Литература

1. Книговедение: Энциклопедический словарь; отв. ред. Н. М. Сикорский – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 664 с.
2. Chaucer G. The Canterbury Tales. – London: W. Caxton, 1476.
3. Defoe D. Moll Flanders. – London: Penguin Books, 1989. – 427 p.
4. Hess-Lüttich E.W.B. How does the writer of a dramatic text interact with his audience? On the pragmatics of literary communication. In: Roger D.Sell (ed.) Literary Pragmatics. – London and New-York: Routledge, 1991. – P. 225-241.

Экспрессивная функция пунктуационного знака: тире и скобки как смысловой, графический и ритмический разрыв фразы

Петрушкина Ольга Александровна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: petroliia@yandex.ru

Пунктуация, или система знаков препинания, это одна из систем, которые организуют текст по определенным принципам. Традиционно выделяется три принципа членения текста: структурный (синтаксический), смысловой (семантический) и интонационный (ритмический).

Для анализа был выбран художественный текст современной французской прозы – роман Жана Руо «L'imitation du bonheur». Основные правила пунктуации носят нормативный характер, они относительно устойчивы в практике печати (во Франции существует специальное издание, которое называется «Типографический код» и переиздается каждый год) и одинаковы для различных видов письменной речи. Однако сама письменная речь в функциональном отношении разнородна: это речь научная, официально-деловая, публицистическая, художественная. В художественном тексте наряду с «грамматическими знаками» широко используются такие знаки препинания, которые выражают эмоционально-экспрессивные качества письменной речи и оттенки смысла.

Говоря о текстах художественной литературы, необходимо уточнить понятие «авторской пунктуации», которое имеет два значения. Первое связано с обозначением всех знаков, стоящих в авторской рукописи, в буквальном смысле поставленных рукой автора (сюда включается и регламентированная, и нерегламентированная пунктуация). Второе, более широкое значение термина связано с представлением о пунктуации нерегламентированной, не закрепленной правилами, представляющей собой разнообразные отклонения от общих норм. Именно это понимание термина и требует уточнения, поскольку не всякие отклонения можно зачислить в разряд авторских.

Авторские знаки препинания включаются в понятие нерегламентированной пунктуации, однако это ее частный случай. В целом нерегламентированная пунктуация объединяет разные явления, осознание которых позволяет выделить собственно авторскую пунктуацию.

В пунктуации наряду с нормами общими, обладающими высшей степенью стабильности, существуют нормы ситуативные, приспособленные к функциональным качествам конкретного вида текста. Ситуативные нормы обеспечивают особую информативность и экспрессивность речи, поэтому иногда для обозначения данной функции пунктуации применяют термин «экспрессивность».

Тире и скобки во французском языке употребляются для выделения вводных конструкций, хотя характер самих вводных конструкций различен. В анализируемых примерах функции этих знаков препинания не сводятся лишь к их синтаксической роли (вводные конструкции), но отражают особенности ритма фразы (интонационный и графический разрыв). Что касается, смысловой нагрузки данных знаков, то их значения различны: тире «отвечает» за авторские комментарии (выражение эмоций или оценка), тогда как скобки, являясь «временными разрывом» фразы, вводят нейтральную, объективную информацию.

Таким образом, тире и скобки являются одним из элементов стиля автора, отражая дополнительные смысловые и интонационные особенности текста. Вся пунктуационная система в художественном тексте служит одним из существенных и ярких средств передачи как логического, так и эмоционального содержания.

Литература

1. Валгина Н.С. (1991) Синтаксис современного русского языка, М., Высшая школа

2. Валгина Н.С. (2003) Активные процессы в современном русском языке, Логос
3. Catach N. (1996) La ponctuation (Histoire et système), Presse Universitaire de France, 2e éd. corrigée
4. Drillon J. (1991) Traité de la ponctuation française, Paris

Специфика реализации персуазивного эффекта на примере речей высших должностных лиц

Прокуда Юлия Николаевна

студентка

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E – mail: julia15108686@mail.ru

Речь – это антропоцентрический феномен, и значит, языковые явления и процессы изучаются современной лингвистикой с позиций «присвоения» их человеком – носителем языка. Речь являет собой целенаправленное когнитивное и коммуникативное действие, основной способ осуществления взаимодействия людей; это одновременно и индивидуальное, и социальное речевое действие. Таким образом, речевое общение, речевое взаимодействие предполагает речевое воздействие, т.е. реализацию персуазивного эффекта (А.П. Чудинов, 2007).

Персуазивность рассматривается как одна из возможных функционально-прагматических характеристик текста, связанная с реализацией его функции воздействия. Или, формулируя иначе, проблема речевого воздействия рассматривается в связи с особенностями персуазивной коммуникации. Определяя в самом общем виде признаки и статус персуазивной коммуникации, следует сослаться на выводы А.В.Голоднова, обобщившего центральные моменты в зарубежных и отечественных исследованиях этой широкой социопсихологической и лингвистической проблемы. Персуазивная коммуникация:

1. это особый тип ментально-речевого воздействия коммуникантов, при котором адресант реализует попытку преимущественно вербального воздействия на сознание адресата.

2. это воздействие посредством коммуникативных стратегий убеждения и обольщения нацелено изменить поведение адресата: побудить к (не)совершению определенных посткоммуникативных действий;

3. осуществляется на основе определенных типов текста и является исторически сложившейся, закреплённой в общественной практике формой взаимодействия людей.

Таким образом, данная работа посвящена комплексному исследованию специфики реализации персуазивного эффекта на примере речей политических деятелей. В работе предпринимается попытка систематизировать и обобщить центральные моменты в исследованиях языка как составной части социальной и политической деятельности. Мы хотим продемонстрировать, как именно собственно языковые единицы, структуры, формы оказываются действенными и в ряде случаев основными при осуществлении социальной власти, т.е. влияния человека на общество и управления человека обществом. Речь идет, таким образом, о возможности изменения картины мира в сознании человека.

Актуальность данной работы определяется важностью исследования средств реализации персуазивного эффекта в координатах новой, интегрированной по своей сути, парадигмы лингвистического знания, нацеливающей ученых на изучение функциональных особенностей единиц, формирующих особый вид дискурса – «политический дискурс» (Чудинов, 2007), «дискурс власти» (Чернявская, 2006).

Результаты

В ходе данного исследования были выявлены основные способы реализации персуазивного эффекта, куда относятся:

- использование местоимения 1-го лица множественного числа мы/we (транспозиция). Особенность этого местоимения заключается в том, что оно может объединять в своей семантике говорящего и слушающего;

- опора на количественные данные, процентные соотношения, в целом, на статистическую информацию – типичное средство воздействия на адресата в политической коммуникации и создание позитивного образа;

- использование стилистических троп, преимущественно метафоры, которая наилучшим образом позволяет оказывать воздействие на политическое сознание общества.

- использование стилистической фигуры – антитезы, один из её вариантов можно считать «особое использование политических терминов, основанное на идеологическом противопоставлении «мы – они», когда категория «мы» освещается исключительно в позитивном аспекте, а категория «они» - в отрицательном. Такое противопоставление используется с целью реализации «стратегии формирования «своего круга»;

- использование повторов для привлечения большего внимания слушателя;

- опора на авторитет науки; сильный воздействующий эффект достигается за счет создания наукообразного высказывания.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что потенциальным персуазивным смыслом могут обладать отдельные языковые единицы. Воздействующий эффект реализуется в соответствии с коммуникативным намерением говорящего.

Литература

1. Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка. – Иркутск, 2000. – 235с.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997. – 195с.
3. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации. СПб., 2003. – 198с.
3. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. - М.: Флинта, 2007. – 203с.
4. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса – М.: Флинта, 2006. – 133с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика – М.: Флинта, 2007. – 254с.

Функциональная роль антропонимического прозвища в литературном произведении

Робустова Вероника Валентиновна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

nikarbs@yandex.ru

В предлагаемой статье речь пойдет о когнитивно-функциональной целеустановке антропонимического прозвища в художественном тексте. Прозвищные наименования часто встречаются на страницах современной прозы и публицистики. Мы провели последовательный анализ функционирования прозвища в литературном дискурсе. Приведем одно из наиболее удачных определений прозвища. «A nickname is a familiar or humorous, sometimes derogatory, name given to a specific person, place, or thing instead of or as well as the proper name. It commonly reflects some key aspect of an individual's physical appearance, personality, or achievement» (Delahunty, 2003). (Прозвище – фамильярное или насмешливое, иногда уничижительное имя, данное определенному человеку, месту или вещи вместо или в дополнение к личному имени. Обычно оно выражает ключевой аспект внешности человека, его личности или достижений).

Антропонимическое прозвище – вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии. В качестве базовой методики анализа «жизни» прозвища в определенном контексте используется процедура, основанная на триаде: система - языковая личность – текст, состоящая из пошагового выполнения следующих стратегических процедур: а) сплошной выборки единиц анализа из современных англоязычных произведений художественной литературы; б) рассмотрение системных характеристик данных единиц и в) их соответствие коммуникативной ситуации с целью выявления основных г) прагматических и д) когнитивных функциональных установок, релевантных для данной целостной языковой личности и целостного текста (Молчанова, 2007). В качестве примера исследования возьмем рассказ выдающегося английского писателя Вильяма С. Моэма “Mr Know-All”.

Mr Know-All – прозвище главного героя рассказа Мистера Келада. На системном уровне анализируемое прозвище обладает следующими характеристиками:

1) это множественное прозвище, может принадлежать разным людям, обладающим соответствующим набором характерных черт. Данному прозвищу изначально присущи определенные коннотации, зафиксированные в толковых словарях: «Know-All - someone who behaves as if they know everything; used to show disapproval» (Longman, 2006). Итак, Know-All – всезнайка – человек, который обладает широким кругозором и неустанно демонстрирует его окружающим, из-за чего раздражает последних и провоцирует к себе негативное отношение.

2) источником возникновения данного прозвища являются умственные способности его носителя.

3) в рамках стилистической классификации прозвищ, анализируемая единица является конвергированным прозвищем, так как в своей основе имеет гиперболический эпитет.

4) с точки зрения синтаксического оформления является сложным, так как состоит из двух слов.

5) основываясь на классах словарных единиц, входящих в прозвище, последнее является имперсональным, не относящимся к определенному лицу, то есть не имеющим личного имени в своем составе.

Следует подчеркнуть некоторое противоречие, наблюдаемое на системном уровне. Know-All обладает ингерентными негативными коннотациями. Однако, если мы возьмем чистое лексическое значение его компонентов, то оно окажется положительным. Know-All – человек, который все знает. Глубина знаний и широта кругозора несомненно

представляются положительными качествами человека. И так, на системном уровне мы наблюдаем некий парадокс, наличие положительного и отрицательного элементов в прозвище одновременно.

На прагматическом уровне прозвище Know-All – обладает только негативными коннотациями, вызывает в человеке образ некоего выскочки – всезнайки. Данное отношение подкрепляется и другими языковыми примерами в подтверждение негативного фрейма. На протяжении всего рассказа автор пять раз произносит фразу «I did not like Mr Kelada» (Maugham, 1977). Рассматривая функции прозвища в дискурсе, следует отметить, что исследуемая единица обладает следующими константными функциями: индивидуализирующей, характерологической и экспрессивной. «It was a fine joke that Mr Know-All had been caught out» (там же). Читателю понятно, о ком идет речь, и какие характерные черты присущи носителю данного прозвища. Среди переменных функций наличествуют парольная, оценочная и людическая. «He was a good mixer, and in three days knew everyone on board. He ran everything. He managed the sweeps, conducted the auctions, collected money for prizes at the sports, got up quoit and golf matches, organized the concert, and arranged the fancy-dress ball. He was everywhere and always. He was certainly the best-hated man in the ship. We called him Mr Know-All, even to his face. He took it as a compliment» (там же). В начале и середине рассказа значение прозвища на системном и прагматическом уровне совпадает. Однако в конце рассказа отношение к герою резко меняется. Здесь следует обратить внимание на когнитивный уровень.

На когнитивном уровне, согласно модели нейро-лингвистического программирования, ситуация несогласованности, неконгруэнтности общения наступает тогда, когда послания, получаемые по разным каналам приема информации, не совпадают. Требуется переключить наше внимание на другой результат, более уместный и успешный, а для этого необходимо кардинально переменить акценты – то есть поместить наше восприятие в новый фрейм. Рефрейминг, или смена фрейма, обозначает помещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм. Произвести рефрейминг означает преобразовать смысл чего-то, поместив это в новую рамку, в новый когнитивный контекст, отличный от исходного, что позволит нам иначе интерпретировать те или иные проблемы и находить новые решения, поскольку именно фреймы влияют на наши переживания и интерпретацию контекстной ситуации. Задача контекстуального рефрейминга – изменить негативное восприятие человеком какой-либо проблемы, дав ему возможность осознать целесообразность тех же действий в каких-то других когнитивных контекстах (Молчанова: 2007). Благодаря контекстуальному рефреймингу, главный герой по прозвищу Mr Know-All из всезнайки с отрицательными коннотациями переходит во всезнайку с положительными. Одна из заключительных фраз рассказа «At that moment I did not entirely dislike Mr Kelada» подтверждает данное превращение. Автор мастерски передает смену отношения к герою путем изменения контекстной ситуации. Через прозвище передается и особым образом подчеркивается эмоциональный накал произведения. В одном слове слиты воедино не только противоречащие значения, но и внутренняя борьба личности – показать свою действительную компетентность в разных областях знания и испортить репутацию дамы, или оказаться в глазах окружающих обычным бахвалом, тем самым спасая честь дамы. Личность Мистера Келада отражается в его прозвище, отрицательном на первый взгляд, но глубоко положительном по своей сущности.

Литература

1. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
2. Maugham W.S. Collected Short Stories. – Penguin Books, 1977.
3. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames – Oxford: Oxford University Press, 2003.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, 2006.

Аксиологический аспект как средство терминологической концептуализации

Скиба Екатерина Игоревна

студент

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: katesu@yandex.ru

Изменение вектора филологических исследований обнаруживает когнитивную природу семантических модификаций слова. Одной из основных категорий когнитивной лингвистики является концепт, который включает в себя понятие о предмете или явлении действительности, его чувственный образ, имплицативный потенциал и оценочно-прагматическую значимость [4].

Понять языковые механизмы концептуализации оценки помогает изучение семантической сферы, репрезентирующей оценочные изменения. В данной работе проанализирована часть общественно-политической лексики, которая, отражая межперсональные отношения, репрезентирует разные способы аксиологической концептуализации [2].

Процесс приобретения словом эмоциональной оценки (как свидетельствуют многочисленные лексикографические данные) имеет двусторонний характер [5]. В большинстве случаев элемент содержательного понятия сближается с пучком ассоциаций вокруг слова. Так возникает новое значение, в достаточной мере отличное от первоначального. Это постепенный процесс, результатом которого является изменение оценочного потенциала слова. В этом случае речь идёт о постепенном изменении значения (*gradual sense-change*). В другом случае необходим красочный, эмоционально-оценочный синоним, который подбирается из числа существующих в лексиконе. В ходе его нового и регулярного употребления в целях оценочной номинации за словом закрепляется постоянная оценка и, как следствие, происходит процесс концептуализации (*creation de luxe*). Постепенное изменение оценки (*gradual sense-change*) и её приобретение (*creation de luxe*) на базе семантического переноса – два взаимосвязанных процесса в языке. Значительная роль в подобных трансформациях принадлежит изменениям в жизни общества, мировоззренческим проблемам [4].

Анализ аксиологических номинаций в рамках специальной языковой картины мира обнаруживает концептуальный характер оценочных приращений в процессе создания производных терминологических значений. Оценочное слово выступает своего рода «хранилищем культурной информации» [3]. Оценочные номинации, принадлежащие к сфере общественно-политических отношений, обладая идеологической направленностью, всё чаще используются в терминологической системе для регистрации новых понятий. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что концептуализация специальной информации может затрагивать периферийные ассоциации уже существующих концептов. Терминологическая концептуализация на базе известного слова предстает как постоянно развивающееся и изменяющееся явление, что подтверждается модификацией его семантики, процессами конкретизации и абстрактизации общеоценочных смыслов.

Литература

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. – М.: Дрофа, 1999. – 288 с.
2. Елисеева В.В. Лексикология английского языка: учебник. – СПб: СПбГУ, 2003. – 76 с.
3. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка. Критика и семиотика. - Вып. 7. - Новосибирск, 2004. - С. 11-20.
4. Ретунская М.С. Прагматический аспект инвективных оценочных номинаций. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 21. Часть II. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2000. С. 11-19.

5. Трофимова З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке. – М.: Павлин, 1993. – 304 с.
6. Oxford Russian Dictionary (third edition). – Oxford University Press, 2000. – 1297 с.

Лингвистическая категоризация в судебном дискурсе

Шевырдяева Лилия Николаевна

преподаватель

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

shevyrdyaevaln@mail.ru

Исследования судебного дискурса, столь востребованные в последние годы, позволили описать его жанровое пространство (P.Tiersma, V.K.Bhatia, Н.П.Глинская), а также некоторые функционально-стилистические (B.Garner, Л.В.Правинова, Т.В.Губаева), прагматические (Н.Д.Голев, Е.И.Галяшина) и терминологические (С.П.Хижняк, Н.П.Глинская, Е.С.Максименко) особенности. Полученные данные о структурах дискурса составляют необходимый фундамент для обращения к его содержательной стороне, изучаемой методами когнитивной лингвистики. В проведенном исследовании внимание было сосредоточено на том, как в языке и с помощью языка осуществляются процессы осмысления, когнитивного реконструирования реальности в аспекте права. Предметом изучения являются процессы концептуализации и категоризации, находящие конечное выражение и фиксируемые в актах означивания (семиозиса) и тем самым определяющие процесс правового регулирования. Описание специфики когнитивной деятельности судей производится на основании анализа когнитивных структур – концептов и построенных на их основании фреймов - и их языковой объективации.

Современная наука о языке определяет языковую категоризацию как одну из центральных проблем когнитивной семантики (КСКТ, 1996). Концептуальная категория представляет собой символическую репрезентацию категории реального мира (или некоторого возможного мира) (Лакофф, 2004:222), а каждый акт категоризации реальных событий посредством языковых средств отражается в соответствующих языковых единицах (Болдырев, Панасенко, 2000:123). Таким образом, анализ лингвистической категоризации позволяет понять, на основании каких критериев человек выносит суждения и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам (Кубрякова, 2004:96), в данном случае - каким образом судьи систематизируют и упорядочивают явления и объекты действительности в результате своей профессиональной деятельности. В настоящем исследовании в качестве способов лингвистической категоризации явлений и событий объективной действительности, происходящей в судебном дискурсе, рассматривается фрейм.

Для изучения особенностей категоризации был проанализирован фрейм *1st Amendment* (Первая поправка к Конституции США в той ее части, которая гарантирует свободу вероисповедания). Материалом исследования послужили 15 судебных дел, рассмотренных Верховным судом США по вопросам свободы вероисповедания в период с 1992 по 2007 г.г., общим объемом более 300 тысяч словоупотреблений. Отобранные из текстов судебных решений в результате сплошной выборки единицы специальной лексики, представляющие отраслевую терминологию и эксплицирующие составляющие фрейма, затем были структурированы посредством процедуры фреймового анализа.

Полученный в результате анализа фрейм *1st Amendment* является многомерной, иерархически организованной структурой, которая включает 5 основных узлов: граждане, их действия в сфере религии, государство, его действия в сфере религии (в которых выделены три подкатегории в соответствии с правовой оценкой действий), а также процессуальный инструментарий, используемый Верховным судом для оценки конституционности действий.

Лексическое наполнение и степень детализации отдельных категорий позволяет получить представление об аспектах, имеющих особое значение для данного социума, поскольку правовая система государства как часть культуры специфична для каждого

народа. Таким образом, результаты анализа составляющих фрейма проецируются на культурно-социальные составляющие американской картины мира.

Так, в частности, проведенное исследование позволило выявить неравномерную степень лексической наполненности разных узлов фрейма данной подотрасли конституционного права. Узел «действия гражданина в сфере религии» представлен единственным концептом (*religious exercise / religious freedom*) и не является объектом правового регулирования, а, следовательно, и категоризации в судебном дискурсе, поскольку он относится к частной жизни индивидуума, представляет его неотъемлемое личное и гражданское право и регулируется религиозными, а не правовыми нормами. В то же время многообразие языковых средств, составляющих лексическое наполнение узла (*religious exercise / conduct / observances / practice / practices / belief, religious freedom / religious liberty / free exercise rights / liberty of conscience / religious rights / religious liberty interest / religious liberty right*), доказывает важность права гражданина на свободное соблюдение собственных религиозных принципов. При этом на основании анализа языковых средств можно сказать, что в американском судебном дискурсе права человека концептуализируются двойко – как характеристика субъекта, его атрибут или качество (*religious freedom*), т.е. собственно право, или же как действие субъекта, реализуемое им (*religious exercise*). Исследование позволило выявить широко распространенную синонимию терминов в судебном дискурсе, причем на уровне единичного текста, а также разнообразие и распространенность моделей парадигматического варьирования терминологических элементов (*religious exercise / exercise of religion*).

Наряду с неравномерной лексической наполненностью узлов фрейма, исследование показало, что разные компоненты правового процесса детализированы и разработаны в различной степени. По мнению ученых, неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности зависит от их важности для жизни соответствующего этноса, что является онтологической характеристикой языковой картины мира (Карасик, 2004:109). Из проанализированных узлов фрейма наиболее сложную параметризацию имеет узел «действия государства в сфере религии», который подразделяется на три субкатегории. Для сравнения достаточно упомянуть, что соответствующая сфера (защита свободы вероисповедания гражданина от вмешательства государства) в российском праве совершенно не разработана, что объясняется культурно-историческими причинами. В США же, напротив, с первых дней государственности эти сферы были законодательно разъединены, а судами была разработана многофакторная система регулирования взаимоотношений государства и гражданина в сфере религии.

К числу онтологических характеристик языковой картины мира ученые относят также специфическую комбинаторику ассоциативных признаков этих предметов и специфическую квалификацию определенных предметных областей (Карасик 2004:109), поэтому следующим шагом в анализе категоризации в судебном дискурсе должно стать описание принципов построения терминологических словосочетаний, фиксирующих когнитивные структуры.

Литература

1. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивные аспекты функциональной поликатегоризации английского глагола // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М., 1996
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М., 2004
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. - М., 2004